

А. ВЕРТ

Россия в войне 1941–1945

<Фрагмент>

<...>

Генерал де Голль в Москве

Визит де Голля в Москву в декабре 1944 г. имеет долгую предысторию. В период действия советско-германского пакта Советский Союз установил дипломатические отношения с вишистским правительством, хотя посол последнего Гастон Бержери прибыл в Москву только 25 апреля 1941 г., то есть после вторжения немцев в Югославию. Когда Бержери в присутствии Молотова вручил свои верительные грамоты Калинину и обратился к СССР с призывом «принять участие в организации «нового порядка» в Европе», советские руководители в ответ на его речь не прооронили ни слова. На следующий день советский посол в вишистской Франции Богомолов, случайно находившийся в то время в Москве, позвонил Бержери и объяснил ему «с идеологических позиций», почему Советский Союз не считает возможным согласиться с германской гегемонией в Европе*.

С того момента, как немцы вторглись в пределы Советского Союза, Советское правительство, разумеется, разорвало дипломатические отношения с Виши. Первые непосредственные контакты между «Свободной Францией» и СССР были установлены еще в начале августа 1941 г. по инициативе де Голля; неофициальный представитель де Голля в Турции Жув посетил советского посла в этой стране С. Виноградова и информировал его, что де Голль, которого он как раз перед тем видел в Бейруте, желал бы направить в Москву двух-трех представителей «Свобод-

* *Gafencu G. Prelirainaires de la guerre a l'Est. Paris, 1944. p. 234–235.*

ной Франции». Не настаивая на признании — официальном или неофициальном — движения «Свободная Франция» Советским правительством, де Голль вместе с тем стремится установить с русскими непосредственные связи, вместо того чтобы сноситься с ними, как это делалось до тех пор, через англичан. Согласно советскому сообщению о встрече Жува с Виноградовым, Жув заявил, что как Советский Союз, так и Франция являются, с точки зрения де Голля, континентальными державами, проблемы и цели которых отличны от проблем и целей англо-саксонских государств. При этом Жув добавил:

«Генерал де Голль очень много говорил о Советском Союзе. Он сказал, что вступление СССР в войну является для нас шансом, на который мы раньше не надеялись. Конечно, нельзя сейчас точно определить, когда будет достигнута победа, но генерал де Голль выражал безусловную уверенность в том, что немцы в конце концов будут разгромлены»*.

На той же неделе профессора Кассен и Дежан обратились к советскому послу в Лондоне Майскому по вопросу об установлении «тех или иных официальных отношений» между Советским Союзом и «Свободной Францией». Они высказали мысль, что эти отношения могли бы быть установлены в такой же форме, в какой они существовали между «Свободной Францией» и английским правительством. 26 сентября 1941 г. Майский уведомил де Голля, что Советское правительство признает его как руководителя всех примкнувших к нему «свободных французов», «где бы они ни находились». Правительство СССР выразило также готовность оказать «Свободной Франции» всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками**.

Де Голль почти с самого начала желал, чтобы военное сотрудничество между «Свободной Францией» и Советским Союзом приняло осязаемую форму, и хотел направить в СССР французскую дивизию, дислоцировавшуюся в то время в Сирии. Но такое намерение, по-видимому, вызвало возражения со стороны англичан, и в апреле 1942 г. Дежан предложил вместо этого направить в Советский Союз для начала тридцать французских летчиков и тридцать человек наземного персонала.

* Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1959. С. 44

** Советско-французские отношения... С. 47.

Так была заложена основа для создания французской эскадрильи «Нормандия», которая прибыла в Россию в конце того же года. Конечно, это были ничтожные силы, но они явились важным политическим фактором и символическим связующим звеном между СССР и французским движением Сопротивления. Французские летчики доблестно сражались на Восточном фронте, понесли тяжелые потери и были щедро награждены советскими военными орденами и медалями. Боевые действия этой французской авиационной части широко освещались в советской печати.

В марте 1942 г. в Москву прибыла небольшая дипломатическая миссия, возглавляемая Роже Гарро, и с генералом Э. Пети в качестве военного атташе. Гарро (по крайней мере тогда) был твердым сторонником де Голля и в своих беседах с русскими некогда не делал секрета из разногласий между де Голлем, с одной стороны, и англичанами и американцами — с другой*.

Гарро (подобно де Голлю) придавал поддержке, оказываемой СССР «Свободной Франции», большое значение. 26 марта 1943 г. он даже заявил Молотову, что Французский национальный комитет черпает для себя в позиции Советского правительства чувство ободрения. «Без этого ободрения Сражающаяся Франция не пережила бы трудных ноябрьских дней, когда в Африке делались попытки создать другое правительство...»**

В июне 1943 г. встал вопрос о признании Французского национального комитета освобождения в Алжире, и 23 июня Черчилль в письме Сталину сообщил, что он «с тревогой» узнал о намерении Советского правительства признать этот комитет***. Под нажимом англичан и американцев признание комитета было отложено, но когда в августе 1943 г. оно все же состоялось, советская «формула» признания была значительно короче и честнее, чем

* В этом он целиком следовал примеру, который показал де Голль в Лондоне. Беседуя с советскими дипломатами, генерал нередко жаловался им на английское правительство. Так, 25 ноября 1941 г. в ответ на слова посла Богомолова, что он регулярно читает его (де Голля) журнал «Франция», де Голль живо и твердо сказал: «Это не мой журнал... Это английский журнал. Его редакторы связаны с английским министерством пропаганды». В другой раз 26 сентября 1942 г. он сказал Богомолову, что англичане затеяли интригу с целью противопоставить ему Эррио. «С раздражением он заметил; что англичане непрерывно пытаются его свалить, используя то тех, то других лиц» (Советско-французские отношения... С. 50, 96).

** Советско-французские отношения... С. 118.

*** Советско-французские отношения... С. 339–383.

английская и американская с их многочисленными условиями и оговорками. После того как в августе 1944 г. правительство де Голля обосновалось наконец в Париже, русские стали торопить Англию и США со скорейшим признанием Временного французского правительства. Таким образом, у де Голля имелись в общем все основания быть довольным поддержкой, которую Советское правительство оказывало ему уже с 1941 г.

Решение де Голля отправиться в конце 1944 г. в Москву для встречи со Сталиным в значительной степени было обусловлено чувством раздражения и досады, которое вызывали у него англичане и американцы своими «хозяйскими манерами» во Франции, а также его желанием показать, что он проводит независимую политику и не является ничьим сателлитом. Советский Союз со своей стороны был заинтересован во Франции в силу того, что руководящую роль в движении Сопротивления там играли коммунисты и что влияние последних начинало уже сказываться и внутри французского правительства.

Визит де Голля в Москву явился прежде всего шагом к тому, чтобы покончить с чрезмерной зависимостью Франции от Англии и США. В тот доатомный период де Голль продолжал считать Францию и СССР — как это он делал уже в 1941 г. — теми двумя великими военными державами на Европейском континенте, которые смогут в будущем гарантировать Европу от повторения германской агрессии и чьи взгляды и интересы отличаются от взглядов и интересов «англосаксонских» государств. Но именно в этом вопросе Сталин в 1944 г. никак не мог согласиться с де Голлем — по той простой причине, что с чисто военной и экономической точек зрения Франция по сравнению с Англией и Америкой была совсем незначительной величиной. Таким образом, к большому разочарованию де Голля, Сталин отказывался на том этапе всерьез принимать Францию как военного союзника. Однако в итоге де Голль «одержал победу», увезя с собой в Париж франко-советский договор о союзе, составленный по типу англо-советского договора 1942 г. Но это было далеко не все, чего вначале рассчитывали добиться как де Голль, так и Сталин.

Де Голль, Бидо, генерал Жюэн и несколько дипломатов прибыли в Москву 2 декабря, проехав через Баку и Сталинград. В Сталинграде де Голль преподнес городу мемориальную доску с надписью: «Сталинграду благодарная Франция». В своей речи

де Голль сказал: «Я хочу воздать должное Сталинграду и отметить тот урок, который он нам дает. Я передаю горячий привет сражающегося французского народа героическому Сталинграду — символу наших общих побед над врагом».

Записи трех бесед между Сталиным и де Голлем 2, 6 и 8 декабря (опубликованные советским Министерством иностранных дел в 1959 г.), равно как и записи переговоров между Молотовым и Бидо*, представляют огромный интерес, поскольку они и по существу, и в особенности по скрытому в них подтексту значительно отличаются от трактовки этих событий де Голлем, который излагает их несколько вольно. Они также являются одним из немногих непосредственных свидетельств того, как Сталин вел переговоры с политическими деятелями других стран в период войны.

Во время своей первой встречи со Сталиным де Голль начал с замечания, что истинной причиной несчастий, постигших Францию, было отсутствие у нее договора с СССР и то обстоятельство, что ее восточная граница была очень уязвимой.

Да, ответил на это Сталин, тот факт, что СССР и Франция не были вместе, стало большим несчастьем и для Советского Союза.

Сталин спросил, достаточно ли у де Голля летчиков.

Де Голль ответил, что у него очень мало летчиков, а те летчики, которые находились во Франции, нуждаются в переобучении, так как они не знают современных самолетов.

Сталин сказал, что на советском фронте хорошо сражается авиационный полк «Нормандия», укомплектованный французскими летчиками.

Затем де Голль сделал попытку перейти к более серьезным делам. И для Франции и для СССР явилось бы хорошим решением, сказал он, если бы Рейнско-Вестфальская область была присоединена к Франции. Для Рурского бассейна, может быть, и следовало бы установить международный режим, но Рейнско-Вестфальская область должна быть отделена от Германии и присоединена к французской территории.

Сталин спросил у него, как смотрят на этот план Англия и Америка; де Голль ответил, что в 1918 г. они не приняли такого пред-

* Имеется в виду историческая справка «Фальсификаторы истории», изданная Советским информационным бюро в 1948 г.

ложения и нашли временное решение вопроса, которое не было успешным. В результате Франция снова подверглась нападению. Быть может, урок этот не прошел для Англии и Америки даром, но он в этом не уверен.

«Сталин говорит, что, насколько ему известно, в английских кругах рассматривалась другая комбинация, а именно — предложение взять Рейнско-Вестфальскую область под международный контроль. То, что сказал де Голль, является новым... Сталин говорит, что нужно узнать мнение союзников по этому вопросу.

Де Голль говорит, что он надеется, что этот вопрос может быть обсужден в Европейской консультативной комиссии.

Сталин говорит, что России трудно возражать против этого».

Затем де Голль подверг резкой критике Англию и Америку. Англичане и американцы ни исторически, ни географически не находятся на Рейне, заявил он. У них есть другие заботы, и французы и русские заплатили за это дороже всех. И хотя сейчас они и ведут там боевые действия, они не всегда будут на Рейне, тогда как Франция и СССР всегда останутся на своих местах. Решительное вмешательство Англии и Америки в войну всегда происходило в специфических условиях — когда было уже слишком поздно, — в результате Франция оказалась в 1940 г. на краю гибели.

Рассуждения де Голля не убедили Сталина. Сил только СССР и Франции, с его точки зрения, недостаточно, чтобы обуздать германских милитаристов. Это доказано опытом двух мировых войн. Сами по себе границы не имеют еще решающего значения — важно было располагать хорошей армией, укомплектованной надлежащими командными кадрами. Полагаться на линию Мажино или на гитлеровский Восточный вал было иллюзией.

Поскольку генерал продолжал настаивать на своем, Сталин «просит де Голля понять его. Дело в том, что мы, русские, не можем решить этот вопрос одни, не побеседовав с англичанами и американцами. Не только такой, но и многие другие вопросы мы не можем решать без своих союзников и без попыток прийти к общему решению».

Явно не удовлетворенный всеми этими аргументами, де Голль попытался подойти к вопросу с другой стороны, заговорив о восточных границах Германии.

«Де Голль говорит, что, насколько он понимает, Одер должен явиться границей Германии, а дальше к югу граница должна идти по реке Нейсе, то есть западнее Одера...

Сталин говорит, что он думает, что исконные польские земли должны быть отданы полякам. Силезия, Померания, Восточная Пруссия должны быть возвращены Польше...

Что касается Чехословакии, то... ее восточная граница в районе Судет должна быть восстановлена».

Во время визита де Голля и Бидо Сталин, что весьма знаменательно, поддерживал регулярную связь с Черчиллем. На следующий же день после своей первой встречи с де Голлем он телеграфировал Черчиллю и сообщил ему, что информировал де Голля о том, что вопрос о западной границе Германии нельзя решать без ведома и согласия Англии и США. Что же касается предложения о франко-советском пакте, продолжал Сталин, то он указал де Голлю на необходимость всестороннего изучения этого вопроса. Черчилль в ответной телеграмме писал, что он отдал бы предпочтение трехстороннему договору.

Вопрос о признании Францией Польского комитета национального освобождения был поставлен наркомом иностранных дел СССР 5 декабря, во время его встречи с Бидо.

Во время второй встречи между Сталиным и де Голлем, 6 декабря, главной темой беседы стала Польша. Де Голль напомнил о старых культурных и религиозных узах, связывающих Францию и Польшу, и (не обмолвясь ни словом об антисоветском санитарном кордоне) заявил, что в 1918 г. Франция пыталась возродить Польшу как врага Германии, как страну, которая будет настроена против Германии. К сожалению, сказал он, такие люди, как Бек, стремились вступить с Германией в соглашение, направленное против Советского Союза и Чехословакии. Он же (де Голль. — *Сост.*) не имеет никаких возражений ни против линии Керзона, ни против границы по Одру и Нейсе.

Он не имел возражений также и против англо-франко-советского блока, но дал понять, что предпочел бы для начала прямой франко-советский пакт.

Сталин (по-прежнему все время консультировавшийся с Черчиллем) заявил, что, как он думает, это дело завершится на днях. Но ему хотелось бы вернуться вместо этого к вопросу о Польше. Он надеялся, что Франция займет в отношении Польши более реалистическую позицию, чем позиция Англии и США. Английское правительство, к сожалению, запуталось в своих связях с польским эмигрантским правительством в Лондоне и с Михайловичем, который «скрывается где-то в Каире». Сидящие в Лондоне поляки

занимаются министерской чехардой, в то время как Польский комитет национального освобождения проводит земельную реформу, подобную той, которую осуществила в конце XVIII в. Франция. И он стал доказывать, что лондонское правительство все больше теряет свой авторитет в Польше. При этом он довольно долго говорил о том, какой «авантюрой» было Варшавское восстание, сказав, что Красная Армия не могла в то время взять Варшаву, потому что, когда Красная Армия подошла к Варшаве, ее артиллерия и снаряды отстали на 400 км.

Де Голль не был убежден в том, что лондонское правительство «потеряло авторитет» в Польше, и сказал, что, каковы действительные настроения польского народа, станет более ясно, когда будет освобождена вся страна.

7 декабря Сталин телеграфировал Черчиллю, что он и его коллеги одобрили идею Черчилля о заключении трехстороннего англо-франко-советского пакта и предложили его на рассмотрение французов, однако пока еще не получили от них ответа.

8 тот же день Бидо сказал Молотову, что Францию не устраивает простое присоединение к англо-советскому договору, — это могло навести на мысль, что Франция будет в этом пакте чем-то вроде младшего партнера. Молотов отмахнулся от такого довода и вернулся к вопросу о признании французами Польского комитета национального освобождения. Об этом аспекте франко-советских переговоров Сталин не информировал Черчилля, хотя английское посольство в Москве было, конечно, более или менее в курсе происходящего.

Во время своей третьей встречи со Сталиным, 8 декабря, де Голль снова заявил, что вопрос о Германии имеет для Франции важнейшее значение и что, «поскольку останется германский народ, постольку останется и германская угроза». И он снова начал говорить о границе по Рейну. Франция и Россия, говорил он, должны объединить свои силы. Англию, которая «всегда и везде опаздывает», можно рассматривать только как «второй этаж безопасности», а Америку — как «третий этаж». В момент большой опасности нельзя рассчитывать ни на ту, ни на другую, и в случае заключения трехстороннего договора англичане неизбежно будут тормозить всякие немедленные действия.

Сталин согласился с тем, что прямой франко-советский пакт сделал бы Францию более независимой от «некоторых стран»,

но, поскольку СССР и Франции было бы трудно одним выиграть войну, он все же отдает предпочтение трехстороннему пакту.

Де Голль возразил, что это «нефранцузская точка зрения», в нынешних условиях трехсторонний пакт подчеркнул бы подчиненное положение Франции перед Англией. Франции было бы лучше иметь договор с СССР. У Франции нет никакой уверенности в том, какую позицию Англия займет по отношению к Германии в будущем. К тому же французы ожидают, что у них будут трудности с англичанами на Востоке, а, может быть, также и на Дальнем Востоке.

Сталин заметил в ответ, что идея тройственного договора принадлежала Черчиллю, а он и его коллеги согласились с английским предложением. Правда, Черчилль не наложил вето на франко-советский пакт, но все же отдавал предпочтение трехстороннему договору.

«Если теперь отложить пакт трех, — продолжал Сталин, — то Черчилль обидится...» Однако поскольку французы так настаивают на заключении прямого франко-советского пакта, то он предлагает следующее: «Пусть французы окажут нам услугу, а мы окажем им услугу. Польша — это элемент нашей безопасности... Пусть французы примут представителя Польского комитета национального освобождения в Париже, и мы подпишем двусторонний договор. Черчилль обидится, но что поделаешь.

Де Голль говорит, что Сталин, вероятно, иногда обижает Черчилля.

Сталин говорит, что иногда он обижает Черчилля, а иногда Черчилль его обижает. Когда-нибудь будет опубликована переписка между Черчиллем и им, Сталиным, тогда де Голль увидит, какими посланиями они иногда обменивались».

После этого, по-видимому, возникло неловкое молчание, а затем Сталин внезапно задал де Голлю вопрос, когда тот намеревается вернуться во Францию. Де Голль ответил, что рассчитывает уехать через два дня.

После не совсем относящегося к делу разговора об авиационном заводе, который посетили французские гости, де Голль заметил, что он очень сожалеет, что не имеет возможности заключить двусторонний франко-советский договор и что придется начинать переговоры о тройственном пакте. Он понимает политику Сталина в польском вопросе, но ему совершенно неясно, что представляет собой Польский комитет национального освобождения.

Атмосфера, в которой закончилась встреча, была весьма прохладной.

Позднее в тот же день Бидо нанес визит Молотову и сказал, что с Польским комитетом национального освобождения, по-видимому, произошло некоторое «недоразумение». Так или иначе, де Голль намечает встретиться на следующий день с руководителями этого комитета. Молотов выразил надежду, что такая встреча изменит положение, и сказал, что тем временем он вместе с Бидо поработает над проектом франко-советского пакта.

Берут, Осубка-Моравский и Роля-Жимерский были приняты де Голлем и имели с ним беседу. В результате де Голль перед отъездом из Москвы согласился лишь послать в Люблин «неофициального» французского представителя, «вне всякой зависимости» от подписания франко-советского пакта.

На приеме в Кремле в последний вечер пребывания де Голля в Москве поведение Сталина характеризовалось некоей смесью грубости и добродушия («У него был такой вид, будто он очень мало считается с нами», — заметил позднее один из французских гостей), и лишь после того, как охваченный гневом де Голль демонстративно покинул прием, русские наконец решили подписать франко-советский пакт без компенсационного польского «условия».

Для де Голля франко-советский пакт имел важное значение как часть той «независимой» французской политики — политики «между Востоком и Западом», — которую он и Бидо после его ухода в январе 1946 г. пытались (безуспешно) проводить в течение двух лет после войны.

